

Н. БЕЙЛИНА
ГОД АКТИВНОГО СОЛНЦА,

или

Моментальная фотография
четырнадцати сибирских поэтов

[Рецензия на сб. И. Киселёва «Ночные реки», В. Поташова «По небу
птичья клинопись», В. Крёкова «Лицо твоё» и др.]
// Сибирские огни. – 1983. – № 3. – С. 163-169.

<...> Эти четырнадцать сборников стихов вышли в Москве, Новосибирске, Барнауле, Омске, Кемерове в 1980-1981 гг. Четырнадцать поэтов... Среди них те, кого я знаю и читаю давно, и те, с кем встречаюсь впервые; авторы многих книг и авторы первой книги; профессионалы и совмещающие поэзию с основной специальностью; двенадцать мужчин и две женщины. Можно ли определить по этим сборникам состояние поэзии именно начала 80-х годов? К сожалению, нет. <...> Словом, сборники, даже первые, вовсе не содержат в себе стихов, написанных только в 80-е годы, а являются своего рода итоговыми. От этого создаётся впечатление некой одышки, точно каждый автор только что поднялся в гору с большим грузом. Два сборника – Николая Пискаева и Владимира Поташова – опубликованы посмертно...

Несмотря на такую – прямо скажем – нелёгкую издательскую ситуацию, можно порадоваться тому, что голоса поэтов не слились в хор, где
...как его ни слушай,

Едва ли различишь на вид,

Кто в песню вкладывает душу,

А кто губами шевелит.

(И Киселёв)

И если «поневоле итоговый» характер сборников не даёт полной возможности оценить в движении творчество каждого отдельного поэта, он зато позволяет разглядеть некоторые общие тенденции поэзии, темы и мотивы, в ней преобладающие, сильные и слабые её стороны, направление общего пути. Попытаемся сделать хотя бы это. Во всех сборниках можно выделить около десятка тем, волнующих всех поэтов без исключения: это кроме вечных тем – любви и ненависти, жизни и смерти, пейзажа с философией и без, труда, странствий, молодости и старости, обязательно ещё проблема истоков («откуда я родом?»), беспокойство за судьбу планеты (экология, военная опасность), воспоминания о военном детстве и размышления о Сибири. Вокруг этого всё – и лирика, и логика, и ирония, и горечь, и радость.

Человек начинается с детства. И мы начнём с него же.

«Снилось мне:

старца мудрого мальчик

к дому белому в полдень ведёт»

(Виталий Крёков)

Поколение, выросшее в войну и в голодные послевоенные годы (а наши поэты из этого поколения), связало воедино тему детства с темой войны. <...> Больше чем у половины из них отцы погибли на фронте. Война поразила в детстве – всех. А в судьбе Владимира Поташова совместились все тяготы, которые могут обрушиться на человека в детстве: родился он в сорок первом, в концлагере, отец его погиб на фронте, а в сорок пятом он потерял и мать; затем детдом, ремесленное училище, ранний труд. Казалось, легко озлобиться, замкнуться в себе. Но он пишет о своём детстве застенчиво и с юмором, и всегда у него в этих стихах не «я», а «мы»:

«Ну что, орлы, идём на хлеб в атаку?»

И мы кивали, сопли подтерев.

Зато откуда, как не из детства, взялось у него это пронзительное чувство родства с птицами, это сострадание к старикам, детям и одиноким женщинам?.. <...> Если бы составить всесоюзную антологию стихов о военном детстве, это была бы поразительная книга. И голос наших сибирских поэтов был бы в ней непременно слышен.

«В калитку памяти стучась»...

(И. Киселёв)

В последние годы литературу и искусство всё больше занимают вопросы: откуда мы? от кого приходим? что передали нам предки? что мы у них взяли? чего не взяли? что потеряли по дороге? Истоки, корни, традиции... Без них нет личности, а значит, и народа. Естественно, тему истоков не обошёл ни один из четырнадцати поэтов. Поскольку двенадцать из четырнадцати – родом из деревни, что само по себе знамение времени, достойное специального исследования, тема корней ассоциируется прежде всего с памятью о деревне, с вниманием к подробностям её быта.

При этом тут есть и поверхностный слой, и слои глубинные. На поверхности – простая гордость своей принадлежностью к миру деревни, наличием у себя самого этих самых корней, демонстрация своей привязанности к ним. Например (ввиду характерности приводимых примеров здесь и далее в подобных случаях авторов я называть не буду): «Хорошо, когда на свете Есть места, в которых ты, Не жалея, на рассвете Мял красивые цветы». Весёлым это хореом писано, – да только как тогда быть тем, кто, как, например, Владимир Поташов, не по собственной воле родился далеко от родины отцов, который на рассвете жизни не видел родины да и не представлял её местом, где можно «мять красивые цветы»? Разве он меньше связан с родной землёй, с народом, с природой родной Сибири? Взятая в чистом виде гордость своим происхождением имеет морально сомнительный оттенок – ещё В.Г. Короленко, замечая подобную тенденцию у некоторых своих современников, считал это явление подобным тому, как если бы некто хвастал своими родителями перед сиротой. И думается, не только особенности биографии, но и эта, выставляемая некоторыми поэтами

напоказ, похвальба вызвала у В. Поташова такие горькие, такие отчаянно русские строки:

Никому не знакомый,
Никому не родной.
От отцовского дома
Щебень только сырой.

Пальцы стиснув до хруста,
У могил постоять –
Это смертное чувство
У меня не отнять.

Следующий по глубине слой – элегические стихи о невозвратности прошлого – также не является открытием наших поэтов, он есть почти в любой поэтической книжке последних лет. <...> Следующий, ещё более глубинный слой – это восстановленные памятью картины жизни села и портреты его людей. Особенно полно представлен он в сборнике Н. Пискаева. <...> В поисках истоков поэты также всё чаще обращаются к истории. <...> Яростно утверждает необходимость уважения к жившим прежде нас Л. Мерзликин, сопровождающий рассказ о глупой молодёжи, отплясывающей «в клубе каменном, бывшем соборе, где когда-то был склад зерновой», энергичным рефреном: «Не танцуй на чужих головах!»

Но всё же с исторической темой авторы сборников по-настоящему ещё не справляются, ограничиваясь пока лишь «свидетельствами о родстве». Тема пока лишь заявлена: «Здесь бьёт ключевое начало» (В. Поташов). В развитии этой заявки видится перспектива. Тем более что есть такая надёжная отправная точка, как сибирские исторические поэмы Л. Мартынова – по моему мнению, одна из вершин русской поэзии вообще.

Одна из сильных сторон почти всех рассматриваемых сборников – поиски истоков в родной природе, понимание человека как части природы, стремление сберечь всё природное от топора, огня и захламления. Но тут мы переходим к новой теме.

«Не срубви. Не срубви. Не срубви»
(Н. Закусина)

Во всех сборниках – обилие пейзажа, в иных без картин природы не обходится буквально ни одно стихотворение. Даже названия десяти сборников из четырнадцати взяты из мира природы: «Лебяжий берег», «Рассветное чувство», «Граница снегов», «Дерево под окном», «Просека», «Месяц красной рыбы», «По небу птичья клинопись», «Ночные реки», «В час зари», «Звезда в колодце». <...> Но главная причина, очевидно, в том, что обнаружилось: человек, силой добываясь «милостей» у природы, успел-таки серьёзно подорвать экологическое равновесие, так что теперь мы уже не можем быть уверены, что после нас будет всё так же «равнодушная природа красою вечною сиять». И если чеховский Тригорин мучился тем, что, изображая воду, деревья и небо, остаётся только пейзажистом и не выражает

себя как гражданин, то нынче как раз тот момент, когда именно в отношении к природе человек обнаруживает свою гражданственность, когда любовь к рекам и травам становится не только личным делом, сколько гражданским долгом. Отсюда тревожные ноты в пейзажах, чувство вины перед природой:

Мне нужны твои звери и птахи

Не за тем, чтобы есть и пить, –

обращается к ней В. Поташов. <...> И если когда-то А.К. Толстой мог писать эпически: «Благодарю вас, леса, долины, нивы, горы, воды», то И. Киселёв не благословляет землю, а благодарит её. За то,

Что повидать живых твоих зверей

Успели мы не только в зоопарке...

И просит у неё прощения:

Прости, земля!

Пьянея от побед,

Мы мало ценим твой высокий свет.

Без нас жила ты миллионы лет,

Мы без тебя не проживём и года.

Так изменились времена. <...> Все наши поэты не только в лесу, но и в городе замечают всё, что в нём составляет приметы живой природы, а не «сумму технологии», воспринимают, как близкое существо, каждое в отдельности городское дерево:

И я, устав ходить по кругу

В холодной сырости ночной,

К большому дереву, как к другу,

Прижался мокрою спиной.

И в начинавшейся простуде

Всё явственней казалось мне:

Шептало дерево, что люди

Не одиноки на земле...

(И. Киселёв)

Они обязательно замечают и городскую, пробившуюся сквозь асфальт траву, и дух леса в, казалось бы, мёртвых предметах. так, у В. Поташова есть стихотворение с вполне прозаическим названием «Метла»:

Поистёрлась метла, гляжу,

Вид не тот, что имела когда-то.

Дай-ка, думаю, пересажу,

Поистёрлась метла-то...

Забыл про неё, и вдруг

В цеху, среди железного храпа,

У сердца моего участился стук –

До чего же знакомый запах!

Едва уловимый, иной,
Не из тех, которые по соседству,
Далёкий такой, родной,
Напоминающий деревню и детство.

...И вдруг ахнул: это ж ладони мои
Запах метлы берёзовой сохранили!

Смерть дерева, зверя, птицы издавна была темой рассказов, поэм и стихов. Немало на эту тему и в наших сборниках. Изменилась интонация: она не элегическая, а остро обличительная: «Не срубил. Не срубил. Не срубил». Над поэзией нашей витает дух «Записок натуралиста» Вернадского. И звучит эхо войны.

«Так нежно тоскую стихами,
так грубо с тобой говорю»
(Вл. Иванов)

<...> Уточним только, что ждём мы от поэзии вовсе не пропаганды «всепоглощающих страстей», не анализа любовных треугольников, не толкования «о личном» – мы ждём опять-таки, как и в других темах, внимания к подробностям душевного мира, искренности и человечности, притом человечности всё возрастающей. Ведь любовь, первым признаком которой является (по Гёте) «избирательное сродство» – это частный, но и самый яркий случай возможности человеческого общения, состоявшегося контакта. <...> Поворот шестой, логически вытекающий из предыдущего, самый, на наш взгляд, серьёзный и искренний – ощущение дефицита любви, связанного с научно-технической революцией (то, что в статье А. Андрианова передано репликой: «Ну, знаете, в наш век эмоциональных стрессов, информационного взрыва, экологического кризиса и т. д.»)

Серьёзная эпоха,
Серьёзные дела...
Конечно, это плохо:
Была любовь, – прошла...
(Г. Кондаков)

Но что же, это ещё давно замечено прозой (например, «Южно-Американский вариант» С. Залыгина) – труд в наше время «больше», чем любовь. Даже самый лиричный и наименее рассудочный из всех четырнадцати В. Поташов работу, во всяком случае, работу поэта, решительно ставит выше любви:

И подошла. Своей щекой
Ко мне прижалась.
Ты пожелала стать строкой –
Такая малость...

И за чертой береговой
Рассветом стала,
Кустом ракитовым, травой –
Ужель всё мало?..

Ты стала небом и звездой...

...ручьём, водой в горсти,
Глотком в дорогу...
«Стихом». О женщина, прости,
Ты просишь много.

И только, пожалуй, Игорь Киселёв не рисует жанровых сценок, не отбивается от любви иронией, не констатирует с врачебной пунктуальностью её клиническую смерть, но и он по-человечески тревожится,

...что сильный ветер века
Вот-вот погасит эти огоньки.

<...> Поэты – по-прежнему сейсмографы, чутко показывающие, что происходит в глубинах общественной жизни, - и несомненно, что в своём отношении к любви они, скажем так, п р е д с т а в и т е л ь н ы (а представительность темы, её социальное значение для каждого момента истории понята давно, вспомним хотя бы статью Н.Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»). Значит, в рассматриваемый момент не в поэзии, а в самом обществе что-то меняется, значит, это момент, когда старое отношение к любви отживает, а новое ещё не вполне сложилось. Поэтому в этом разделе мы больше задали вопросов, чем дали ответов.

Итак, у нас получилась моментальная групповая фотография. На ней четырнадцать лиц, одни видны чётче, другие менее чётко, так получилось. Хотелось бы пристальнее взглянуться в ясный и грустный мир И. Киселёва, в сюжетную изобретательность Б. Климычева, безоглядную лиричность В. Поташова, в умение Н. Пискаева строить новое содержание из привычных, даже затёртых слов, в чуть ворчливый юмор и прозорливость Л. Мерзликина... <...>

Говоря о провинциальных поэтах, Р. Винонен справедливо заметил, что качественной разницы между их сборниками, изданными в Москве и в Сибири, по сути нет. Такая же закономерность наблюдается и в нашем случае: из наиболее сильных сборников только «В час зари» Б. Климычева издан «Современником», сборники И. Киселёва, Н. Пискаева и В. Поташова вышли в Кемерове, Л. Мерзликина – в Барнауле. Это уже заслуга не только поэтов, но и издательств, и заслугу эту можно назвать по имени: преодоление областничества. По сравнению с прошлыми годами, виден издательский прогресс: стихи отбираются не по местным признакам; нет «паровозиков», т. е. первых отделов, состоящих из трескучих псевдозлободневных стихов, призванных «вывезти» всё остальное. Каждого поэта стараются представить

попросту лучшим, что у него есть. А такой отбор – признак издательской культуры. Сибирский отряд поэтов, забывать это не надо, уже не раз становился в стране ведущим (смешно и грустно видеть газетную шапку «Сделаем Сибирь краем передовой культуры», будто речь о некой, до сих пор крайне бескультурной провинции). <...>

Особенно важно, чтобы критики не упустили ничего в нынешней сибирской поэзии, чтобы каждый своеобразный поэт был узнан и понят при жизни. <...>